

ХЛЯБЬ ОБЕТОВАННАЯ

GROUND ZERO I

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ПАРХОМ ГЫПОПО

Пархом Гыпопо

0. Хлябь Обетованная.
Ground Zero 1

«Автор»

2026

Гыпопо П.

0. Хлябь Обетованная. Ground Zero 1 / П. Гыпопо — «Автор», 2026

Смерть — это не конец. Это попадание. Мир, где материя держится на воле. Где тела существуют, пока душа тратит себя на их поддержание. Где города — это язвы внутри гигантского организма, пытающегося переварить человеческое сознание. Здесь нет прогресса. Форма распадается быстрее, чем её успевают создать. Технологии невозможны — их стирает коллективное недоверие. Письменность бессмысленна — бумага гниёт быстрее, чем высыхают чернила. Деньги тают, если их не тратить. Еда — это чужое воспоминание о вкусе. Выжить можно только в городе. Но за стенами — туман, дороги-шрамы и охотники на свежих. А внутри — элита, жаждущая новых тел, и толпа, сжигающая остатки себя ради ещё одного дня. Это не ад. Это не чистилище. Это желудок. И ты — его пища. Добро пожаловать в Хлябь. Примечания автора: Это вводный том романа. Приквел. В процессе написания. Начинать можно смело с Первого тома "Хлябь Обетованная".

© Гыпопо П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Хронология Хляби	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Пархом Гыпопо

0. Хлябь Обетованная. Ground Zero 1

Хронология Хляби

Привет.

Я Пархом. Который Гыпопо.

Сразу договоримся: то, что ты держишь в руках, это не начало.

Не совсем.

Это середина, которая однажды пришла, постучала костяшками по столу и сказала: «Буду началом». А я, как человек в целом не самый конфликтный, особенно когда по столу стучит не человек, а целый посмертный мир с дурным запахом и обиженной мордой, спорить не стал.

Хотя сначала, конечно, пытался.

Сидел я, писал главную историю. Про двоих. Про Егора и Софью. Они провалились туда, куда нормальные люди не проваливаются, потому что нормальные люди хотя бы иногда смотрят под ноги, в душу и в собственную жизнь. Провалились и начали как-то жить. Не красиво. Не героически. Как смогли.

История была большая. Тяжёлая. До конца ещё не дописанная, но конец я уже держал в голове. Видел его. Знал, куда веду. Знал, кто к чему придёт, кто кого потеряет, кто кого спасёт, кто сам себя обманет, а кто наконец перестанет.

И тут в дверь постучали. Не метафорически. То есть, конечно, метафорически, но так, что у меня внутри всё равно что-то щёлкнуло и пошло открывать.

Открываю.

Стоит Хлябь.

Мокрая. Тёмная. Огромная. С такой мордой, будто я не роман пишу, а уже три года должен ей деньги, причём проценты капаят живыми людьми.

И говорит:

«Слышь, автор. Ты это чего удумал? Втиснуть меня в одну книжку? В пару героев? В их любовь, их страх, их сопли, их красивые страдания? Не выйдет. Я тебе не декорация. Я не болото на заднем плане. Я не страшный лес, через который надо провести героев к финалу. Я сама история. У меня под кожей города. У меня под городами черви. У меня под червями то, что ты ещё сам толком не понял. Так что давай пиши нормально. А то я плотину твою прорву, и будешь потом руками ловить своих персонажей по всей комнате».

Я хотел сказать: «Подожди».

Она не стала.

Хлябь вообще плохо понимает слово «подожди». У неё с терпением примерно так же, как у мёртвого кота с карьерными перспективами.

И, что хуже всего, она оказалась права.

Потому что мир, в котором мучаются Егор с Софьей, не взялся из пустоты. Он не вырос за ночь, как гриб на старом матрасе. У него есть прошлое. Есть города старше. Есть правила, которые кто-то придумал или, что хуже, обнаружил. Есть власть, которая когда-то была другой. Есть чудовища, которые не сразу стали памятниками самим себе. Есть Свод.

Самый большой. Самый тяжёлый. Самый забетонированный город Хляби.

Но и он не всегда был таким.

Кто-то его таким сделал.

Двое сделали.

И вот тут меня развернуло. Я понял, что мне уже мало рассказывать, как всё есть. Мне стало нужно понять, как оно стало именно таким. Кто взял живой, грязный, вонючий город и переплавил его в эту египетско-арийскую машину, где всё блестит, марширует, питается, молится, врёт и гниёт по расписанию.

Так родился приквел.

Начало, написанное после середины.

Нулевой том, который появился не потому, что автор заранее всё мудро рассчитал, разложил по папочкам, нарисовал схему на стене и сел работать как взрослый человек. Нет. Не будем оскорблять мир такой фантастикой.

Он появился потому, что Хлябь постучалась и велела.

А когда я начал писать приквел, мне вспомнился кот...

... Коты вообще странно прилипают к историям. У Пушкина кот учёный ходит по золотой цепи вокруг дуба и гоняет сказки туда-сюда, как заключённый фольклора на прогулке. У Кэрролла чеширский кот исчезает, а улыбка остаётся висеть в воздухе, потому что здравый смысл в нормальной сказке вообще лишний пассажир. У Шрёдингера коту повезло меньше всех: его посадили в коробку и заставили быть сразу живым и мёртвым, пока какой-нибудь наблюдатель не полезет внутрь со своим любопытством. Вот этот кот мне и понадобился. Не пушкинский, который рассказывает. Не чеширский, который издевается. А тот, которого открывают.

Кот в коробке.

Ты наверняка слышал эту историю, даже если физику в школе проходил способом «посмотрел в окно и внутренне согласился с дождём». Сидит кот в закрытой коробке. Пока крышку не открыли, он вроде как одновременно и живой, и мёртвый. Оба варианта существуют сразу. Открыл коробку, посмотрел внутрь, и всё схлопнулось в один исход.

Либо жив.

Либо нет.

Писательство, как выяснилось, устроено примерно так же. Пока история болтается у автора в голове, она ещё не одна. Она сразу вся. Варианты лежат друг на друге, шевелятся, спорят, врут, притворяются главным вариантом. Один герой ещё может спастись. Другой ещё может предать. Кто-то ещё может вовремя войти в комнату. Кто-то может опоздать на три секунды, и вся жизнь пойдёт в другую сторону.

Пока не написал, котов много.

Написал.

Крышка открылась.

Остался один.

И вот я пишу приквел, а кот сидит у меня где-то в затылке и скребёт когтём. Потому что в главной истории я коробку уже приоткрыл. Там мой кот вроде как выходил живым. Не целым, не чистым, не пушистым, не с бантиком на шее. Но живым. Там был исход, в котором любовь всё-таки не сдохла окончательно. Где что-то настоящее пробилось через грязь, как трава через трещину в асфальте.

А потом я остановился и понял: погоди.

А по правде-то?

По правде коробка не всегда открывается так.

Иногда кот живой.

А иногда лежит себе мёртвый.

Тяжёлый. Тёплый ещё или уже холодный. Смешной и страшный в своей беспомощности. И ты можешь сколько угодно стоять над коробкой, оправдываться, придумывать красивую философию, но факт остаётся фактом: вот он. Не дышит.

И было бы враньём оставить только тот вариант, где всё хорошо. Было бы не честно перед самой историей. Перед теми героями, которые внутри этой истории не обязаны выживать только потому, что автору хочется дать читателю подушечку под затылок.

Так родился спин-офф.

Та же развилка.

Тот же миг.

Та же коробка.

Только кот в ней мёртвый.

Не потому что я злой.

Потому что честный.

Ну, стараюсь быть. Иногда. Когда не ленюсь.

И тут у меня, кстати, давняя заруба с физиками.

Физики, люди в целом полезные. Без них у нас не было бы электричества, самолётов, стиральных машин и прочих чудес, благодаря которым человечество может круглосуточно производить мусор с невиданной прежде эффективностью. Но когда они начинают объяснять кота, у меня внутри просыпается маленький лирик с табуреткой.

Физики говорят: исход решает случай. Вероятность. Кости. Кубик бросили, точки выпали, кот получил своё направление в вечность. Бог сидит где-то там, если он вообще есть, трясёт стаканчиком и не особо переживает за домашнюю живность.

А я не физик.

Я лирик.

И мне такое объяснение кажется слишком бедным.

Не потому, что я умнее физиков. Не будем смешить Хлябь. Она и так ржёт где-то под полом. Просто я смотрю не туда. Их интересует механизм. Меня интересует тот, кто открывает крышку.

В этой саге мир не равнодушен к наблюдателю.

Он может быть жестоким. Он может быть слепым. Он может притворяться болотом, городом, мясом, законом, богом, червём, судьбой, социальной лестницей, семейной драмой или старой засаленной занавеской в трактире. Но он не пустой. Он отвечает на взгляд.

Не кости решают.

Решает тот, кто смотрит.

Точнее, решает не он один, не его каприз, не желание «хочу, чтобы всё было хорошо». Это детская магия, а детская магия обычно заканчивается разбитой чашкой и враньём маме. Решает то, каким он стал к моменту, когда подошёл к коробке. Что он в себе вырастил. Что сгноил. Чего испугался. Чему поверил. Что предал. Что сохранил.

Открывает крышку не глаз.

Открывает крышку весь человек.

Вся его прожитая грязь.

Вся его любовь, если она есть.

Вся его трусость, если любовь он успел обменять на более удобную мебель.

Вот моя вера как автора. Не научная формула. Не лекция. Не попытка залезть на табурет и объяснить мирозданию, как ему правильно вращаться. Просто внутренний закон этой истории:

мир слушается не того, кто громче орёт, а того, кто способен выдержать то, что увидит.

Дальше, в самом сюжете, ты этого кота ещё встретишь. Уже не как байку из популярной физики и не как авторскую игрушку. Встретишь живьём. На развилке. В месте, где одному человеку придётся открыть коробку и узнать, кто он такой на самом деле.

И кем окажется кот, будет зависеть ровно от этого.

Теперь про порядок чтения.

Тут начинается та часть, где автор обычно надевает приличное лицо и говорит: «Дорогой читатель, данное произведение входит в цикл, но может читаться отдельно». После чего все делают вид, что поверили, а потом половина людей всё равно лезет в комментарии с вопросом, почему в пятом томе кто-то помнит то, что случилось во втором.

Поэтому скажу проще.

Если ты начал с этой книги, с нулевого тома, формально ты читаешь правильно.

Если ты уже читал другие куски Хляби, ты тоже читаешь правильно.

Если ты вообще забрёл сюда случайно, потому что обложка показалась странной, название неприлично влажным, а авторская фамилия похожа на результат падения словаря с лестницы, ты тоже, как ни странно, читаешь правильно.

Хлябь не очень любит прямые дороги.

Это приквел. Но не инструкция. Не учебник истории мира. Не путеводитель с аккуратными стрелочками: «налево Червь, направо моральное разложение, прямо буфет». Я не собираюсь вываливать тебе устройство вселенной мешком на голову. Во-первых, это скучно. Во-вторых, мешок мокрый. В-третьих, я сам терпеть не могу, когда вместо истории мне дают справочник по выдуманным налогам, династиям, монетам, культам и десяти видам специальной канализации.

Мир будет раскрываться слоями.

Город за городом.

Герой за героем.

Грязь за грязью.

Где-то ты поймёшь сразу. Где-то нет. Какие-то слова сначала пройдут мимо, как чужие люди на вокзале. Потом вернутся. Ударят по плечу. Окажется, что это были не чужие люди, а твои родственники, просто ты их не узнал, потому что жизнь вообще любит такие мелкие издевательства.

В одном томе ты увидишь Хлябь как тюрьму.

В другом как рынок.

В третьем как болезнь.

В четвёртом как город.

В пятом как семейную кухню, где все давно друг друга ненавидят, но суп ещё варится.

И только потом начнёт проступать общая машина.

Сначала города будут казаться отдельными. Лоно отдельно. Свод отдельно. Зев, Залом, другие карманы, другие правила, другие местные мерзости. Но это обман зрения. Они связаны. Просто связь эта не всегда похожа на дорогу. Иногда она похожа на шов. Иногда на кишку. Иногда на старую обиду, которую никто не вспоминает вслух, но все продолжают жить так, будто она лежит посреди комнаты.

Так что если где-то тебе покажется, что мир недораскрыт, не спеши хвататься за автора и трясти его за грудки. Во-первых, это невежливо. Во-вторых, у автора грудки так себе. В-третьих, часть ответов лежит дальше.

Я начал с середины, а теперь открываю мир слоями.

Не потому, что запутался.

Хотя и это тоже, местами. Будем честны. Человек, который пишет пятнадцать томов о посмертной энергетической помойке, не может всерьёз претендовать на полную психическую прямолинейность.

Но главный принцип не в этом.

Хлябь нельзя объяснить сразу.

Её можно только постепенно испачкать о читателя.

Сколько всего будет томов?

Я замахнулся на пятнадцать.

Громкое число. Красивое. Почти приличное. С ним можно стоять у книжной полки и делать вид, что всё под контролем.

Но это если получится сторговаться с Хлябью.

Если она согласится на пятнадцать и не начнёт требовать шестнадцатый. Или восемнадцатый. Или боковую ветвь про какого-нибудь второстепенного мерзавца, который вдруг окажется настолько живым, что его уже нельзя будет убить между абзацами, как нормального служебного таракана.

С ней надо договариваться.

А Хлябь, как ты уже понял, не самый удобный собеседник.

Теперь самое важное.

Ради чего вообще всё это.

Ты будешь читать, и местами тебе станет мерзко.

Не «ой, автор перегнул». Не «какая мрачная атмосфера». Нет. Местами будет именно мерзко. Будет грязь. Гниль. Липкий страх. Тела, которые предают своих хозяев. Люди, которые держатся за власть, потому что без власти они просто мешки с испуганной памятью. Любовь, которую путают с голодом. Жалость, которую продают как услугу. Вера, которая пахнет подвалом. Города, построенные вокруг червей, потому что человечество даже после смерти умудряется собраться вокруг чего-нибудь большого, слепого и прожорливого.

Будет такая хтонь, что временами захочется закрыть книгу, пойти помыться и потом ещё отдельно помыть мысли.

Я предупреждаю честно.

Не потому, что хочу заранее извиниться.

Не извиняюсь.

Грязь здесь нужна.

Но она не цель.

Я не люблю грязь ради грязи. Не пишу её затем, чтобы показать, какой я смелый, мрачный и видел жизнь, пока остальные нюхали ромашки. Это дешёвая поза. Таких поз и без меня хватает. Стоят рядами, как манекены в плохом магазине.

Грязь в этой истории работает иначе.

Она компост.

Удобрение.

Гниющая, тёплая, мерзкая масса, из которой вдруг может вылезти что-то живое.

Однажды я видел, как из трещины в асфальте растёт травинка.

Обычная.

Тонкая.

Никакая.

Вокруг бетон. Окурки. Пыль. Следы шин. Человеческая цивилизация в своём привычном виде, то есть слой грязи поверх слоя равнодушия. А она лезет. Зелёная. Слабая. Упрямая до неприличия. Ей бы по всем законам не расти. Ей бы понять обстановку, взвесить шансы, оформить внутреннюю капитуляцию и тихо умереть приличным растением.

Но нет.

Вылезла.

И зеленеет.

Назло всему.

Вот вся эта сага, если соскрести с неё червей, города, маски, ритуалы, торговлю телами, мёртвых котов, ментальную силу, власть, предательство и прочую человеческую дрянь, в сущности про это.

Про травинку.

Про то, что настоящее не обязано расти в хороших условиях. Хорошие условия вообще сильно переоценены. В них часто растёт плесень, самодовольство и люди, которые уверены, что всё поняли.

Настоящее чувство растёт хуже.

Медленнее.

Кривее.

Оно лезет через трещины. Через стыд. Через страх. Через чужую власть. Через собственное враньё. Через смерть. Через такую внутреннюю помойку, где любой уважающий себя цветок подал бы заявление на перевод в другой жанр.

Но если оно настоящее, оно всё равно лезет.

Не потому, что добро всегда побеждает.

Добро не всегда побеждает. Иногда добро опаздывает. Иногда падает в грязь лицом. Иногда его продают за удобство. Иногда оно само не понимает, что оно добро, и выглядит как глупость, слабость, упрямство или последняя попытка не стать окончательной сволочью.

Но оно есть.

И если оно есть, Хлябь не может его просто переварить.

Может мучить.

Может ломать.

Может облепить грязью так, что родная мать не узнает, если, конечно, у родной матери в посмертном мире найдётся свободная минута между ужасом и очередью за суррогатной едой.

Но уничтожить до конца не может.

Вот зачем всё это.

Не ради мрака.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.